

людей или целых народов, какие шаги нужно предпринимать, чтобы добиться изменения в традиционных обычаях питания. Высказывается верная мысль, что изучение пищи, особенно в историческом разрезе, полезно для этнографического исследования быта и культуры народа. Однако мы не можем согласиться с утверждением автора, что пища и связанные с ней привычки обусловлены лишь психологическими моментами.

Касаясь вопроса об образовании и его роли в наши дни, М. Мид правильно подчеркивает его все возрастающее значение в жизни современного общества. При разборе этого вопроса, как и многих других, Маргарет Мид все время сбивается на компаративистские позиции, то и дело приводя совершенно необоснованные, на наш взгляд, параллели. Так, например, по ее мнению, существует полное единство в воспитании детей коренных народов Новой Гвинеи и современного населения США. Различие социально-политических условий, существующих в упомянутых странах, таким образом, не принимается во внимание. Образование рассматривается всего лишь как «инструмент для создания новых человеческих ценностей» (стр. 174). Попутно М. Мид выступает защитником пресловутой доктрины «социальной стратификации», бездоказательно и вопреки реально существующей действительности проповедующей стирание классовых противоречий в капиталистическом обществе.

Мы не будем останавливаться на таких проблемах, разбираемых в третьей части, как инстинкт и др., трактуемых в духе субъективных идеалистических предпосылок этнофрейдизма. Нам представляется более заслуживающим упоминуть о призыве автора к активному изучению не только прошлого, но и острых проблем современности. Эту мысль Маргарет Мид выразила в предисловии: «Эта книга суммирует некоторые наши усилия для построения моста от изучения прошлого и настоящего к ответственному раздумью о будущем» (стр. V).

Все изложенное выше показывает, что рецензируемая книга в теоретическом отношении не свободна (да она и не могла быть свободной) от субъективно-идеалистических концепций ее автора. Многие большие и сложные проблемы, стоящие перед современной этнографической наукой, решаются М. Мид на психобиологической основе при полном игнорировании исторического подхода к явлениям общественного строя, быта и культуры народов.

Но вместе с тем нельзя не отметить и некоторых положительных моментов, содержащихся в новой книге М. Мид. Надо сказать, что в рецензируемый сборник не включены тенденциозные публикации, посвященные «изучению национального характера русских» и преподносящие читателю в явно искаженном свете советскую действительность. Заслуживает внимания и призыв автора к американским этнографам и представителям смежных наук внести свой вклад в благородное дело сохранения мира во всем мире и предотвращения столь чреватой для человечества своими непоправимыми последствиями термоядерной войны. Аналогичные мысли были высказаны М. Мид и на VII МКАЭН во время ее выступления в секции «Прикладная этнография», что было положительно воспринято советскими и зарубежными делегатами. Хочется надеяться, что эта сторона деятельности М. Мид найдет свое дальнейшее отражение и в ее последующих трудах.

И. Труфанов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Вьонг-хоанг-Туйен. Народы южноазиатского происхождения в Северном Вьетнаме. Ханой, 1963, 208 стр. 12 л. илл., табл., рис. (на вьетн. языке)

Проблема происхождения вьетов (т. е. собственно вьетнамцев) уже давно является предметом исследований многих зарубежных и, в частности, вьетнамских ученых. В трудах историков, этнографов и особенно лингвистов содержатся самые различные точки зрения по этнической принадлежности вьетов. Не решен вопрос и об этно-лингвистической классификации, свидетельством чему является наличие нескольких взглядов: вьеты — ответвление китайцев, составная часть тайских народов, тибето-бирманцы и, наконец, мон-кхмеры. До последнего времени в советской этнографической науке преобладало мнение, что язык вьетов относится к китайско-тибетской языковой семье. В действительности изучение этногенеза вьетов сопряжено со многими трудностями, вызываемыми характерными особенностями вьетнамского языка, впитавшего в себя элементы китайского, тайского и мон-кхмерского языков, а также схожими явлениями в материальной и духовной культуре вьетов и окружающих их народов.

Рецензируемая книга принадлежит перу преподавателя Ханойского университета Вьонг-хоанг-Туйену. На основании уже опубликованных данных и собственных поисковых изысканий автор делает обобщающие выводы о народах Северного Вьетнама, гово-

рящих на мон-кхмерских языках. Свою задачу он видит в том, чтобы показать эти народы как остатки наиболее древнего населения Вьетнама, обрисовать состояние культуры и общественного развития мон-кхмеров, проследить их связи с кха Лаоса, дать сравнительный анализ языков северовьетнамских мон-кхмеров с «южноазиатскими» языками и, что на наш взгляд самое главное, установить первоначальные связи мон-кхмеров горных областей с вьетами.

Соглашаясь в целом с мнением Вьонг-хоанг-Туйена о недостаточной изученности мон-кхмерского населения Демократической Республики Вьетнам, хотелось бы видеть более объективную картину состояния этнографии в других странах применительно к интересующему его вопросу. Первую часть книги автор посвящает описанию некоторых народов Северного Вьетнама, говорящих на мон-кхмерских языках: мангы, ванкьеу, тайхат, сакау, сакхао, кхуа и пуок. Справедливости ради нельзя пройти мимо оговорок Вьонг-хоанг-Туйена, что эти, как он их называет, народности «еще не исследованы, и языковеды... еще не выявили, к какой языковой семье они принадлежат» (с. 12). Однако еще Масей в 1907 г. и Лоби в 1939 г. вполне определенно высказались за включение сакау и пуок в состав мон-кхмерских народов. В конце 1959 г. после экспедиции в Тэйбак С. А. Арутюнов и автор этих строк также пришли к выводу о мон-кхмерской принадлежности сакау и пуок и кроме того выделили из состава мон-кхмероязычных сакхао отдельную группу, говорящую на языке, близком тибето-бирманцам уни. Результаты этих наблюдений были доложены С. А. Арутюновым тогда же этнографам ДРВ, а затем опубликованы¹.

Вместе с тем следует отметить заслугу Вьонг-хоанг-Туйена и его вьетнамских коллег, показавших ошибочность бытовавших ранее представлений о мангы как народе тибето-бирманской языковой семьи и о тайхат как представителях тхай. Кстати, полные материалы, собранные нами в конце 1962 г. на западе провинции Нгеан, свидетельствуют, что тайпонги, считавшиеся прежде ответвлением тхай, также являются мон-кхмерами.

Сведения, сообщаемые о мангы, впервые публикуются в рецензируемой книге и, естественно, представляют большой интерес. Сразу же надо сказать, что передача «внешних наблюдений» удастся автору лучше, чем попытки анализировать социальную жизнь мангы. Отмечая общую общественно-экономическую и культурную отсталость мангы, Вьонг-хоанг-Туйен на стр. 34 дважды подчеркивает, что их общество еще не разделено на классы. Здесь же он пишет, что «в каждом доме, если много трудоспособных, есть рис, но в домах, где людей недостает, обычно голодают круглый год». Подтверждением бесклассовости и одновременно пережитком первобытной общины автор считает обычай «кругового угощения», взаимопомощи. «Это означает, — поясняет Вьонг-хоанг-Туйен, — что каждая семья, имеющая ньонг жэй (горное поле. — А. М.), вырубает участок иногда совместно с другими семьями, а иногда отдельно. Если у кого-нибудь на поле раньше других созревает рис или кукуруза, на жатву выходит весь бан (небольшое горное селение. — А. М.), и урожай потребляют в пищу, затем по очереди переходят на поле другой семьи. Что касается семьи, то она основана на патриархальных отношениях, и всю полноту власти в доме имеет отец» (с. 35).

Во II части, в главе «Этап развития от первобытной общины до возникновения классового общества», Вьонг-хоанг-Туйен, описывая переход от общей к частной собственности у мангы, впадает в противоречие, когда пишет, что «хотя риса хватает лишь на 6—7 месяцев, нет, однако, такого положения, чтобы семьи, где достаточно рабочей силы, были обеспечены пищей, а другие голодали» (с. 97).

Можно согласиться, что мангы не имеют противостоящих друг другу классов, что у них действительно сильно развит дух взаимопомощи, но не следовало бы говорить об этом как о «характерной» черте, отличающей именно мангы. Данные самого же Вьонг-хоанг-Туйена свидетельствуют о значительном имущественном неравенстве, об отходе от обязательности взаимной помощи, результатом чего, как мы видели, являются случаи голодного существования ряда семей. Очевидно, мангы находятся на такой стадии развития, когда родовая община распалась, уступив место большесемейной общине, когда еще нет антагонистических противоречий, но налицо обедневшие и зажиточные — коротче, мангы прошли полпути от бесклассового к классовому обществу.

Выводы автора о социальном и культурном состоянии мон-кхмерских народов Северного Вьетнама сводятся к следующему: 1) Мангы и ванкьеу находятся на этапе первобытно-соседской общины (!) с отдельными патриархальными родами и патриархальными семьями. 2) Сакау находятся на стадии соседской общины. 3) Пуок и частично ванкьеу в общине Хангхи провинции Куангбинь находятся на стадии разложения соседской общины и перехода к классовому обществу (с. 98—99).

Вряд ли следует доказывать, что Вьонг-хоанг-Туйен допускает серьезные методологические ошибки; удивляет метафизичность его дефиниций, особенно в общественном разделении сакау и пуок; по нашему мнению нет никаких оснований ставить пуок выше по уровню социально-экономического и культурного развития, нежели сакау.

¹ С. А. Арутюнов, О языках кха на севере Вьетнама, «Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», 1962, т. 37, стр. 76—80.

Материалы о сакау и сакхао в известной мере дополняют уже опубликованные сообщения в зарубежной и советской литературе. Прежде всего, это относится к введению новых этнонимов — «кханг клау» для сакау и «кханг ай» для сакхао. К сожалению, Вьонг-хоанг-Туйен не объясняет, что это: самоназвания или другой этноним, данный соседями. Излишне категоричным представляется суждение автора об отличии между этими этнографическими группами, состоящем в том, что «кханг клау сохраняют свою самобытность и очень хорошо это осознают. Они никогда не женятся на женщинах тхай, не воспринимают тхайскую технику и культуру, тогда как кханг ай воспринимают их легко» (с. 58). Наши полевые материалы не подтверждают мнение Вьонг-хоанг-Туйена, хотя тхайское влияние на сакхао и несколько глубже.

Основная мысль автора направлена на то, чтобы в вышеперечисленных горных народах Северного Вьетнама, говорящих на мон-кхмерских языках (точнее их следовало бы называть этнографическими группами.— А. М.), видеть прямых потомков древнейших насельников Вьетнама, в наиболее полной степени сохранивших свою самобытность. Значительную часть книги он и посвящает этому доказательству, опираясь на работы Левина и Чебоксарова², Арутюнова и Брука³, приводя многие высказывания зарубежных и советских лингвистов — сторонников южноазиатской или мон-кхмерской языковой принадлежности вьетов. Последних он, как явствует из подтекста, считает вышедшими из того же древнейшего этнического слоя, что и нынешние горные моны, но утратившими самобытность вследствие развития в иных исторических условиях. Вкратце свой взгляд на этногенетические процессы, проходившие в Индокитае, Вьонг-хоанг-Туйен изложил в предисловии. «Насколько нам известно,— пишет Вьонг-хоанг-Туйен,— мон-кхмерские народы представляют самый древний этнический пласт в областях восточного Индокитае. В начале I-го тыс. до н. э. мон-кхмеры захватили часть этой территории и основали обширные государства. К началу н. э. государства монгов и кхмеров простирались уже от южного Вьетнама до Бирмы. В последующие периоды истории из областей южного Китая в восточный Индокитай мигрировали многочисленные группы, говорившие на тибето-бирманских и китайско-тайских языках. Мон-кхмерские племена были оттеснены к югу или ассимилированы. Ныне остатками этого древнего населения являются кхмеры Камбоджи и южного Вьетнама, моны Бирмы и многочисленные небольшие народности, живущие разрозненно в горно-лесных местностях... и составляющие особую группу на севере страны» (стр. 5).

В этой гипотезе, в целом согласующейся и с нашими взглядами, есть проблемы, которые требуют дальнейшего внимательного исследования. К ним, в частности, относятся выяснение протоцентра распространения носителей мон-кхмерских языков и в связи с этим вопроса об автохтонности их на территории восточного Индокитае, соотношение т. н. индонезийского и мон-кхмерского компонентов, степень влияния более поздних мигрантов на формирование этноса этой области и т. д.

Не только Вьонг-хоанг-Туйен, но и другие этнографы ДРВ (например, Ха-ван-Тан) считают, что некогда на территории Северного Вьетнама жили народы (автохтоны, связанные с неолитическим и даже мезолитическим населением), говорившие на мон-кхмерских языках. Мощные миграционные волны тхайских и китайских народов оттеснили часть этого древнего населения на запад и юго-запад, в горы; одновременно происходила аккультурация основной части населения, оставшейся на землях долины Хонгха, т. е. нынешних вьетов. К вьетсенным народам они относят мыонгов (на основании языковой близости конструируется даже одна нация вьетмыонг), народы групп са, пуок, тайхат, мангы, ванкьеу и кхуа. Несколько ранее подобную картину изобразил археолог О. Джэнс, связывая, однако, расчленение единого провьетнамского народа с нашествием армий ханьского полководца Ма Юаня (I в. н. э.).

Положительной стороной в работе Вьонг-хоанг-Туйена является его обращение к сравнительному материалу. Надо отметить, что рассмотрение лаосских этнографических групп, известных под собирательным наименованием «кха» как тех же самых «са» Вьетнама полностью совпадает и с нашим мнением. Однако, когда автор со стр. 134 переходит к выяснению соотношения народов т. н. южноазиатской группы вообще, то здесь он показывает себя прямым последователем весьма проблематичных точек зрения, выдвинутых в свое время Логаном, Форбе, Шмидтом и др. Вьонг-хоанг-Туйен не соглашается с теми, кто высказывает сомнение в правомерности включения вьетского языка в состав монкхмерской семьи, но он правильно выступает против теории Гейне — Гельдерна, полагая, что «южноазиатская культура существовала у многих различных рас и что именно эти различные расы участвовали в ее создании» (с. 144); здесь же автор, дополняя Кёдэ, дает свое определение экономическим и культурным особенностям мон-кхмеров Восточного Индокитае.

² М. Г. Левин и Н. И. Чебоксаров, Древнее расселение человечества в восточной и юго-восточной Азии, «Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая», 1951, т. 16, 325—354.

³ С. А. Арутюнов и С. И. Брук, Население Камбоджи, «Сов. этнография», 1958, № 3, стр. 110—124.

Непосредственно переходя к поискам связей между древними вьетами и нынешними народами, говорящими на мон-кхмерских и индонезийских языках, Вьонг-хоанг-Туйен приводит интересные сравнительные таблицы языка вьет и «южноазиатских языков» (с. 148—156). Их анализ дает автору основание признать, что слова, входящие в основной словарный фонд, имеют общую основу; он намечает сходство числительных; появление тональности во вьетском языке объясняет тенденцией к укорачиванию; в результате чего отпали префиксы и суффиксы, свойственные южноазиатским языкам (ст. 153).

Вьонг-хоанг-Туйен подробно останавливается на точке зрения Масперо, относившего вьетский язык к ветви тайских языков, подвергает ее основательной критике, не исключая, впрочем, возможности влияния как тайского, так и древнеханьского языков на язык вьет (с. 170—191), и делает окончательный вывод: «Язык вьет тесно связан с мон-кхмерскими и южноазиатскими языками» (с. 156).

Отмечая сложность исследования проблемы происхождения вьетов, Вьонг-хоанг-Туйен не ограничивается только сравнительными этнолингвистическими данными. Он приводит данные о материальной и духовной культуре, которые, по его мнению, могут способствовать выяснению истоков вьетского этноса. Автор выделяет общие явления в культуре, свойственные вьетам, тай и народам южноазиатской языковой семьи с одной стороны, и вьетам и тай — с другой. Единую древнюю основу для вьетов, тай и мон-кхмеров Вьонг-хоанг-Туйен видит в следующих условиях быта и обычаях: 1) тип свайных жилищ, 2) украшения на концах коньков крыш, 3) жевание бетеля и чернение зубов, 4) обычай мужчин завязывать волосы на затылке узлом, 5) помол риса ручным пестом, 6) изготовление и ношение непромокаемых плащей из пальмовых листьев, 7) татуировка тела, 8) протыкание ушных отверстий. Кроме того, к общим культурным особенностям этих народов он причисляет верования и связанные с ними атрибуты, как например, почитание риса, бронзовые гонги, бронзовые барабаны, кхены, почитание Духа земли. Для вьет и тай Вьонг-хоанг-Туйен намечает другие общие явления: а) почитание дракона как предка, б) почитание повивальной бабки, в) сходные и характерные элементы женской одежды (короткие кофты, юбки, подпоясанные кушаком, квадратные платки), г) обычай устраивать лодочные гонки, д) тайские названия областей «мыонг», встречающиеся в долине Хонгха (с. 159—169).

Разбор приведенных здесь примеров мог бы значительно увеличить объем рецензии, но нам представляется, что, прибегая к подобному методу доказательств, следует учитывать возможность культурного влияния, а также вероятность наличия сходных явлений культуры у самых различных народов.

Заключительный тезис Вьонг-хоанг-Туйена сводится к тому, что вьеты, южноазиатские народы Вьетнама и тай имеют между собой непосредственную связь. Наиболее ранним этническим пластом в Бакбо являлись мон-кхмеры, затем здесь появились с территории юго-западного Китая тхайязычные переселенцы, и на базе смешения между ними, до прихода ханьцев, возник народ вьет.

Вьонг-хоанг-Туйен не ограничивается узкими рамками избранной темы. Попутно он решает такие вопросы, как возникновение частной собственности на землю (с. 112—113) и периодизация первобытного общества (114—121). Ход его рассуждений по первому вопросу таков: в первобытном обществе существуют два периода, воплощенные в двух формах хозяйствования: 1 — подсечно-огнем земледелии и 2 — плужном земледелии. Если при первом способе (форме) земля не имеет какой-либо ценности и является категорией общественной, то с появлением плужного земледелия возникает частная собственность на землю.

Что касается периодизации первобытного общества, то Вьонг-хоанг-Туйен, приведя существующие по этому вопросу точки зрения, начиная с Моргана и кончая взглядами советских ученых, не соглашается полностью ни с одной из них. Собственный вывод автора гласит: «Критерием для исторической периодизации с марксистской точки зрения является развитие способов производства» (с. 119). Опираясь на этот критерий, Вьонг-хоанг-Туйен делит первобытное общество у сельскохозяйственных (?) народов на три периода: 1 — период охоты и собирательства; 2 — период подсечно-огневого земледелия; 3 — период плужного земледелия. Нам представляется, что эти положения автора рассматриваемой книги весьма уязвимы для критики и вряд ли являются шагом вперед после появления труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В тексте и в отдельном приложении к работе помещены многочисленные сравнительно-языковые таблицы, которые представят несомненный интерес для лингвистов, тем более что этот материал является результатом полевой работы автора среди бесписьменных мон-кхмерских народов.

В заключение необходимо отметить, что Вьонг-хоанг-Туйен выражает благодарность советским ученым С. А. Токареву и Г. Г. Сратановичу за помощь молодым вьетнамским этнографам.

А. Мухлинов